

на дом не выдается

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей РСФСР
и Новосибирской писательской организации

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

В Н О М Е Р Е:

К 50-летию
Монгольской
Народной
Республики

Ц. ХАСБААТАР. Духовное обновление 3

Стихотворения
монгольских поэтов

Далантайн ТАРВА. Слово Ильича. Всадник. Ночь . . . 13

Цэгмэдийн ГАЙТАВ. Дороги 16

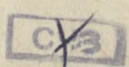
Бэгзийн ЯВУУХУЛАН. Девушка Индии. Монголка. Там,
на вершине горы 17

Пурэвжавын ПУРЭВСУРЭН. Девушка, которая пишет
стихи 19

11

1974

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

или иного поэта — будь то А. Яшин или С. Орлов, О. Фокина или Н. Рубцов, — критик везде выступает тонким интерпретатором, стремящимся, подобно актеру-исполнителю, донести до читателя каждую интонацию, каждый поворот и изгиб мысли поэта, каждый всплеск его эмоций. «...Сумятица городских буден забыта, душа и глаза — вастежь. Как язычник-солнцеклонник, он славит чудо восхода. Не он один — все в блудновских лесах поклоняются солнцу, принимают его обличье: у рыжей волнушки «пушистая юбочка с оборками» стала походять на «солнечные протуберанцы», старый глухарь, распутив хвост, выдает себя за «восходящее светило». Поэт земным поклоном кланяется и волнушке, и северному солнцу-ариле, и деревенке Блудново за то, что в охотничьем домишке он снова начал писать, а это — хлеб для души!.. Целебная сила раздольных лесов и полей Севера вливается в его стихотворные строки:

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пением птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

Читаешь и будто окунаешься с головою в этот солнечный мир поэзии А. Яшина, будто и нет ни поэта, ни критика, а звучит лишь музыка этих удивительных строк... Да, критика — тоже искусство. И В. Дементьев, прекрасно это понимая, пишет о поэтах как художник, порой даже вступая с ними в соперничество по части эпитетов, метафор, сравнений и прочих чисто-поэтических средств. Наверное, надо обладать недюжинным художественным видением окружающего мира, чтобы написать такие строки: «Лирика Ольги Фокиной, как настой целебных трав, неподвластна химической формуле, — ведь неподвластна же им необыкновенная целебная смесь лесных и полевых трав». Как добротная художественная проза воспринимается вся глава о К. Батюшкове, где критик воспроизводит целые картины и сцены из жизни поэта.

Однако, как это нередко случается, несомненные достоинства, будучи развиваемыми без ограничения, дают результаты обратные. Кисть художника не противопоставлена критику, — В. Дементьев это блестяще доказал. Но иногда ему необходимо взять в руки и микроскоп исследователя — в целях более полного, обстоятельного освещения какого-то литературного явления. Особенно, если это явление сложное, противоречивое, вызвавшее различные толкования и точки зрения. С подобного рода явлением В. Дементьев столкнулся, например, в ходе разговора о творчестве А. Романова.

«Мне кажется, — пишет критик, — Романову удалось открыть емкую поэтическую формулу, которая делает пустыми иупреки, что, мол, возвращение к «заветным истокам» есть отрыв от современности, есть асоциальность. Нет, говорит Александр Романов, —

...Летят все круче годы,
Туманами струась,
Куда же Русь уходит?

А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь,
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты.
И в ней опять загадка,
И глубина опять.
Гордиться нам и плакать,
Терять и вновь искать.

Думается, критик здесь поторопился с выводами. Обращение к «истокам», к «старине» и «вечности» — проблема не новая в нашей литературе, не раз подвергавшаяся обсуждению, но так до сих пор до конца не проясненная. И кому, как не критику, располагающему таким уникальным поэтическим материалом, как творчество поэтов-вологоджан, «исследовать» эту проблему поглубже, выискнуть в суть споров и разногласий, ею порожденных. Скороговорки и торопливость дали о себе знать и в главе, посвященной С. Викулову. Каким-то эгегически-умиротворенным получился Викулов-поэт у В. Дементьева. Критик явно сгладил, смягчил отдельные черты творческого «лика» С. Викулова — художника страстного, дерзкого, остросоциального. И опять же получилось так потому, что здесь требовался, в первую очередь, «микроскоп» исследователя.

Все наши замечания, разумеется, не дают основания делать вывод, будто книга В. Дементьева совершенно лишена исследователя начала. Многие проблемы современного литературного процесса критиком исследованы основательно и глубоко (прекрасно, например освещен такой сложный вопрос, как влияние фольклора на современную поэзию). Но все-таки «художник» в В. Дементьеве-критике явно превалирует над «литературоведом».

Как видим, в книге «Дар Севера», посвященной поэтам Вологодской земли, возникли вопросы, которые автор заведомо не ставил. Но вопросы эти — о соотношении «художественного» и «исследовательского» при анализе литературного произведения — имеют исключительно важное значение для развития всей нашей критики. И с этой точки зрения опыт В. Дементьева весьма полезен и поучителен.

В. ШАПОШНИКОВ

Ф. З. Канунова. Эстетика русской романтической повести. Изд-во Томского университета, 1973.

Книга Ф. З. Кануновой посвящена А. А. Бестужеву-Марлинскому и романтикам-беллетристам 20—30-х годов XIX века.

Хотя Бестужев-Марлинский в сравнении с Пушкиным занимает относительно более скромное место в 20—30-е годы, его творчество привлекает пристальное внимание не только советских, но и зарубежных литературоведов.

Интерес к Бестужеву-Марлинскому обострился в связи с широким обсуждением проблемы романтизма. Ведь романтическое искусство было не только предшественником реалистического, — оно входило в сложные

отношения с реализмом, влияло на него, и само испытывало его воздействие. Кроме того, Бестужев-Марлинский сыграл видную роль в развитии жанра романтической повести, которая в исторической перспективе вела к творческим достижениям Лермонтова и Гоголя.

Однако многие работы, которые предшествовали исследованию Ф. Канунова, хотя и отличались основательностью и вносили много нового, далеко не исчерпывали всей глубины, сложности и многообразия творчества Бестужева-Марлинского.

Ф. Канунова, тщательно изучив огромное количество опубликованных и архивных материалов, смогла охарактеризовать художественную систему писателя как целое и проследить эволюцию этой системы. В этом теоретическая ценность работы. Достоинством ее является и то, что романтические повести Бестужева-Марлинского рассматриваются не только как подступы к реализму, но и как произведения, имеющие непреходящую идейно-художественную ценность.

Монография открывается главой, в которой анализируется литературно-эстетическая позиция А. Бестужева, обращается особое внимание на философскую сторону его эстетических взглядов.

Важнейшей проблемой в эстетике декабристов, пишет Ф. Канунова, является проблема характера, принцип изображения человека в искусстве. Романтики 20-х годов вносили в эту проблему нечто принципиально новое, заключающееся в стремлении подойти диалектически к соотношению мысли и чувства. Тем самым они подготавливали почву для романтизма Лермонтова — как высшего достижения русского прогрессивного романтизма XIX в.

В эстетике прогрессивных романтиков на первом плане стоял героический характер. С ним связана проблема идеала, который, по мнению А. Бестужева, не только цель, но и предмет поэзии. Он может и должен привноситься в жизнь. «Поэтика декабристов — это поэтика возвышенного, необычного, исключительного», — утверждает автор монографии.

Хорошо раскрыто в книге значение «идеального» в эстетике революционных романтиков, и Бестужева в частности. Убедительно подчеркнута перспективность эстетической мысли Бестужева, которая выдерживает сравнение с пушкинской концепцией.

А. Бестужев вслед за Карамзиным явился одним из первых пропагандистов русской художественной прозы. Ф. Канунова отмечает, что А. Бестужев пропагандирует поэтическую прозу, связывая со словом «поэтический» декабристское понимание возвышенного, героического. Он был «не только страстным пропагандистом художественной прозы, но и талантливым создателем русской романтической повести». Этой проблеме посвящена вторая глава («Жанровое своеобразие ранних повестей А. Бестужева»).

Отмечая, что новый характер героя преддекабристской эпохи, идейная насыщенность произведений являются жанрообразующими факторами, Ф. Канунова пишет

о том, что А. Бестужев до 1825 г. в понимании личности разделял позицию просветительского рационализма. «Разочарование в просветительском культе разума и «разумного государства» приводит романтиков к идее народа и нации.

В ливонских повестях, в соответствии с эстетической программой А. Бестужева, проявилась идеализация сильного характера. Здесь обнаруживаются и просветительская вера в человека, и сближение с народностью, о чем говорит, в частности, фантастика отдельных повестей. Автор книги подчеркивает влияние историзма на характер героев повестей. «Таким образом, — подводит итоги ученый, — острая идейная насыщенность, новая трактовка проблемы характера, стремление к «действительной жизни» — к историческим фактам и событиям, широкое использование фольклора как средства исторического колорита и т. д. — определяют собою жанровое своеобразие повести Бестужева». В плане жанра он наследовал достижения Карамзина, просветительского романа, Вальтера Скотта, Байрона. На основе широкого художественного синтеза писатель создал новую повесть, которая «явилась этапом в развитии русской прозы от Карамзина к романтизму 30-х годов».

В третьей главе («Концепция личности в эстетике и творчестве Бестужева 30-х годов. Светские и морские повести») Ф. Канунова остро ставит проблему эволюции творчества А. Бестужева, тех глубоких сдвигов, которые произошли в его мировоззрении после декабристского восстания.

Писатель в это время резко осуждает фаталистические теории и утверждает активность человека, но, вместе с тем, отмечает Ф. Канунова, «идеалистическое представление о высшей духовной деятельности человека как выражении сверхличных сил» характерно для концепции личности Бестужева в 30-е гг.

Рассматривая «светские» повести А. Бестужева, исследователь делает значительный шаг вперед в идейно-художественном их истолковании по сравнению с предшествующими работами на эту тему. Ф. Канунова показала, как углубляется конфликт в бестужевских повестях 30-х гг., как в них входят сложная философско-психологическая проблематика и новый интеллектуальный герой.

Углубленно разработана в книге и проблема «романтического этнопрофизма» (глава IV), проявившегося наиболее ярко в кавказских повестях. Бестужева-романтика интересует и «внешний», объективный мир, который занимает большое место в структуре его произведений. Американский исследователь творчества Бестужева-Марлинского профессор Л.-Г. Лейтон заметил: «Любая повесть Марлинского — это педагогический урок по множеству предметов» («Александр Бестужев-Марлинский: романтическая повествовательная проза в России». Висконсинский ун-т, 1968).

Такой подход наблюдается и в книге В. Г. Базанова «Очерки декабристской литературы» (Гослитиздат, М., 1953) Ф. Канунова анализирует кавказские повести с фи-

лософско-исторической и социально-психологической точек зрения. Она обращает внимание на проблему национального характера, на сильные и слабые стороны его воплощения в повестях «Аммалат-бек» и «Мулланур». Автор книги доказывает, что «местный колорит» в этих повестях «слит с характером героя».

Однако «стихийный реализм» А. Бестужева приходит в столкновение с романтической концепцией личности. «Реальное» и «идеальное» находятся «в метафизическом противоречии». «Вместе с тем,— заключает Ф. З. Канунова,— именно романтизм Марлинского с его страстной тягой к объективному миру, с его яркой народностью, с его внутренним осуждением романтического индивидуализма был выражением кризиса романтического сознания и подготовил переход к реализму».

Все рассмотренные главы книги отличаются высоким научным уровнем, глубиной и тонкостью литературоведческого анализа.

Слабее по исполнению пятая глава —

«Бестужев и русская романтическая повесть 30-х годов». Правильно и интересно поставленная проблема, к сожалению, не развернута в материале. Кроме того, в этом разделе есть и композиционная неслаженность. О светской повести 30-х годов и о влиянии на нее А. Бестужева речь идет в третьей главе, а затем продолжается в пятой. Видимо, лучше было бы весь материал сгруппировать в одном месте. Это дало бы возможность более полно и комплексно проследить влияние А. Бестужева на его последователей в разных планах. Сейчас же, например, Е. Ган характеризуется только как автор светской повести, хотя необходимо было бы сказать о ней и в связи с национальной темой. А это удобно сделать именно в заключительной главе.

Но все это, разумеется, частности. В целом книга Ф. З. Кануновой дает широкую картину литературного процесса, вскрывает глубинные закономерности развития «малых форм» в русской литературе XIX века.

В. ОДИНОВ